

1814–1841

«Он вдруг начал писать нечто такое, где он никому не подражал, зато всем уже целый век хочется подражать ему <...> Слово слушается его, как змея заклинателя: от... эпитагмы до молитвы. Слова, сказанные им о влюбленности, не имеют себе равных ни в какой из религий мира... Я уже не говорю о его прозе. Здесь он обогнал самого себя на сто лет и в каждой вещи разрушает миф о том, что проза — достояние лишь зрелого возраста».

А. А. Ахматова

классика
В
кармане

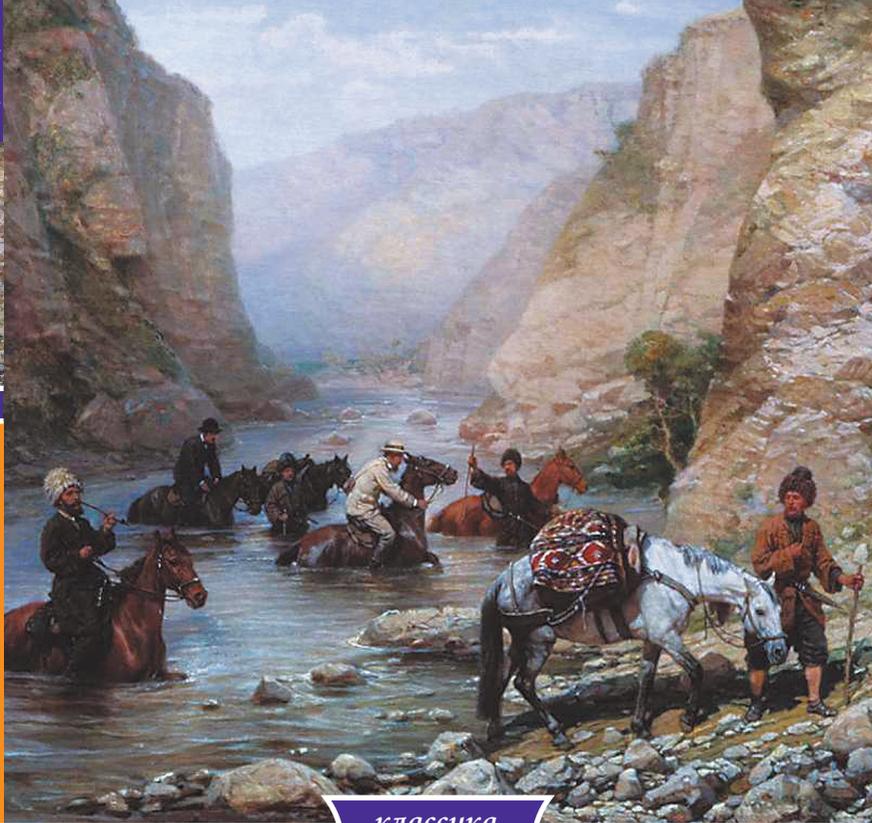
классика в кармане

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

классика
в кармане

Герой нашего времени

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

классика
в кармане

«Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать».

А. П. Чехов

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Герой нашего времени

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Герой нашего времени

*классика
в кармане*

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Герой нашего времени

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
Л49

Проект Д. Е. Веселова

Вступительная статья *В. А. Мануйлова*
Комментарии *О. В. Миллер*

Печатается по изданиям:

Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. Проза. Письма. — Л., 1981.
Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. — СПб., 1996.
Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. — Л., 1979.

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
П. О. Ковалевского «Переправа»,
П. Е. Заболотского «Портрет М. Ю. Лермонтова»
Иллюстрации В. А. Полякова

Литературно-художественное издание
Серия «Классика в кармане»

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич
Герой нашего времени

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Т. Ю. Удачина*

Подписано в печать 20.06.2012. Формат 76×100/32.
Усл. печ. л. 11,26. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.
Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© И. С. Веселова, составление, 2012
© О. В. Миллер, комментарии, 2012
© Nemiroltd, 2012
© ЗАО «Фирма Бертельсманн
Медиа Москау АО», 2012
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-480-4 (БММ)
ISBN 978-966-14-3858-2 (КСД)

В. А. Мануйлов

***Михаил Юрьевич Лермонтов.
Жизнь и творчество¹***

Михаилу Юрьевичу Лермонтову в истории русской литературы принадлежит особое и значительное место. Великий русский поэт был продолжателем Пушкина и поэтов-декабристов, автором первого в России психологического романа в прозе «Герой нашего времени», драматургом, лучшая драма которого «Маскарад» прочно вошла в репертуар отечественного театра наряду с «Горем от ума» Грибоедова и «Ревизором» Гоголя. Продолжая дело Пушкина в литературе, Лермонтов не был его подражателем. Опираясь на художественные открытия своего великого учителя, Лермонтов сказал в нашей литературе свое новое слово и выразил настроения и думы лучших русских людей 30-х годов XIX века, которые начинали сознательную жизнь уже после разгрома движения декабристов, в годы николаевской реакции. Но именно в эти 30-е годы дворянская и разночинная молодежь мучительно размышляла о дальнейших путях развития русского общества, о смысле жизни, об оторванности передовых людей от народа, о необходимости сближения с народом, чтобы понять его нужды и облегчить его участь.

Эти новые задачи, стоящие перед русским обществом, верно поняли В. Г. Белинский и А. И. Герцен. И они показали в своих работах, какое значение имело творчество Лермонтова для их современников. «Он полностью принадлежит к нашему поколению, — писал Герцен. — Все мы были слишком юны, чтобы принять участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем, мы увидели лишь казни и изгнания. Вынужденные молчать, сдерживая слезы, мы научились, замыкаясь в себе, вынашивать свои мысли — и какие мысли! Это уже не были идеи просвещенного либерализма, идеи прогресса, — то были сомнения, отрицания, мысли, полные ярости. Свыкшись с этими чувствами, Лермонтов не мог найти спасения в лиризме, как находил его Пушкин. Он влачил тяжелый груз скептицизма через все свои мечты и наслаждения. Мужественная, печальная мысль всегда лежит на его челе, она сквозит во всех его стихах. Это не отвлеченная мысль, стремящаяся украсить себя цветами поэзии; нет, раздумье Лермонтова — его поэзия, его мученье, его сила

¹ Статья печатается с сокращениями.

<...> К несчастью быть слишком пронизательным у него присоединилось и другое — он смело высказывался о многом без всякой пощады и без прикрас».

Лермонтов страдал, когда видел, как попусту растрачиваются силы лучших людей его поколения, обреченных на вынужденное бездействие. Осознать эту трагедию своего времени и смело высказать ее мог только мужественный поэт, мыслитель и гражданин.

1

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября по старому стилю (с 14 на 15 октября по новому стилю) 1814 года в семье капитана в отставке Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, рожденной Арсеньевой, в Москве, в большом трехэтажном каменном доме напротив Красных ворот. Теперь этого дома нет.

Вскоре после рождения мальчика Лермонтовы вместе с Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, матерью Марии Михайловны, переехали в ее небольшое поместье Тарханы Чембарского уезда Пензенской губернии (ныне село Лермонтово). Здесь, среди бескрайних полей, пересеченных оврагами, затененных дубовыми рощицами, прошли детские и отроческие годы поэта.

У тарханских крестьян учился Лермонтов русской народной речи; тут слышал он песни и предания об Иване Грозном, о Разине, о Пугачеве; крепостные — участники пензенского ополчения в Отечественной войне 1812 года рассказывали о Бородинском сражении.

Семейная жизнь родителей Лермонтова сложилась несчастливо. Вмешательство властолюбивой Елизаветы Алексеевны обостряло семейную распрю. Юрий Петрович происходил из старинной, но обедневшей семьи. Не такого зятя хотела бы видеть в своем доме Е. А. Арсеньева, старшая дочь влиятельного откупщика Алексея Емельяновича Столыпина, разбогатевшего при Екатерине II.

Рождение сына и несчастливое супружество подорвали слабое здоровье Марии Михайловны. 24 марта 1817 года она умерла. Через несколько дней между Е. А. Арсеньевой и Ю. П. Лермонтовым разгорелся спор о праве воспитывать мальчика. Арсеньева выдала зятю заемное письмо (вексель) на 25 тысяч рублей и завещала все свое состояние внуку при условии, что он останется на ее попечении до совершеннолетия. И Юрий Петрович навсегда уехал в свою деревеньку Кропотово, в Тульскую губернию.

Лермонтов рос впечатлительным и болезненным ребенком. Чтобы укрепить здоровье внука, Е. А. Арсеньева трижды возила его к кавказским минеральным водам.

Далекie поездки на лошадях через всю Россию, величественная природа Кавказа, близость разгоравшейся в те годы Кавказской войны, рассказы о набегах горцев и экспедициях русских войск, знаком-

ство с казачьими и горскими легендами и песнями — всё это обогащало творческое воображение Лермонтова и во многом определило содержание его отроческой поэзии, его ранних кавказских поэм: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи» и «Хаджи Абрек».

2

Осенью 1825 года, после третьей поездки на Кавказ, Е. А. Арсеньева с внуком снова вернулась в Тарханы. Она много сделала, чтобы дать одаренному мальчику хорошее, разностороннее воспитание. С младенческих лет к нему были приставлены старушка немка Х. Ремер и гувернер Капе, бывший сержант наполеоновской армии. В Тарханах одновременно воспитывалось до десяти сверстников Лермонтова — дальних родственников и детей соседних помещиков. Вместе с ними играли крестьянские ребятишки из деревни, расположенной неподалеку от барской усадьбы.

Время было тревожное. В уездах Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Нижегородской губерний вспыхивали крестьянские волнения. В начале декабря 1825 года до Тархан дошла весть о том, что 19 ноября в Таганроге умер Александр I, потом в самом конце года стало известно о разгроме восстания 14 декабря в Петербурге на Сенатской площади. Через несколько дней после этой чрезвычайной новости сообщили о подавлении восстания Черниговского полка на Юге. Началось царствование Николая I.

Известия о восстаниях в Петербурге и на Юге не могли не взволновать Е. А. Арсеньеву. Ее братья — Дмитрий и Аркадий Столыпины — были знакомы и даже близки с видными руководителями заговора. Аркадий Алексеевич умер незадолго до восстания, а Дмитрий Алексеевич скоропостижно скончался, когда начались первые аресты заговорщиков в Москве.

Лермонтов услышал о декабрьском восстании 1825 года, когда ему было одиннадцать лет. По-настоящему значение этого события он оценил, конечно, позднее, но уже в отрочестве ему были хорошо знакомы и дороги имена Пестеля, Рыльева, Грибоедова и Кюхельбекера.

3

В конце августа или в сентябре 1827 года Е. А. Арсеньева переселилась с внуком в Москву, чтобы подготовить его к поступлению в лучшее по тем временам учебное заведение — Московский университетский благородный пансион. Среди других учителей в дом к Арсеньевой был приглашен кандидат университета А. З. Зиновьев, связанный не только с университетскими, но и литературными кругами Москвы.

5

Домашние уроки Лермонтову также давал известный поэт профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков. Мальчик с увлечением знакомился с творениями Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова, но самым любимым его поэтом был, конечно, Пушкин, как раз в это время постоянно живший в Москве и окруженный всеобщим вниманием.

Английскому языку Лермонтова учил опытный педагог Виндсон. Вскоре Лермонтов смог в подлиннике читать Байрона, Вальтера Скотта, Томаса Мура, Фенимора Купера и даже Шекспира.

1 сентября 1828 года Лермонтов поступил в Московский университетский благородный пансион. Он был настолько хорошо подготовлен, что его определили в четвертый класс.

Многие деятели русской науки и литературы вышли из стен этого пансиона. Здесь в свое время воспитывались Д. И. Фонвизин, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, декабрист П. Г. Каховский.

Круг предметов, преподававшихся в пансионе, был широк, но особое внимание уделялось истории, литературе, языкам и искусствам. При пансионе была превосходная библиотека. Здесь по вечерам иногда собиралось литературное общество; воспитанники пансиона читали свои произведения и переводы, горячо обсуждали прочитанное. Лермонтов принимал в этих собраниях деятельное участие.

В пансионе в полной мере раскрылись его разносторонние дарования. На смену детскому увлечению лепкой из воска и самодельным кукольным театром пришли занятия рисованием, живописью и музыкой. Лермонтов пел, играл на скрипке и фортепьяно.

Воспитанники пансиона следили за всем новым и передовым в русской и западной литературе. Списки политических стихотворений Пушкина и Рыльева ходили по рукам. Поэму Рыльева «Войнаровский», как и южные романтические поэмы Пушкина, многие пансионеры знали наизусть.

В условиях глухого, затаенного брожения четырнадцати-пятнадцатилетний Лермонтов был готов отдать свою жизнь борьбе с тиранией, борьбе за счастье народа. Его отроческие и юношеские стихи свидетельствуют о поразительной силе духа, о воле к борьбе за грядущее освобождение. Уже в сравнительно ранних стихах 1830 года возникает образ поэта-гражданина, поэта-пророка:

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

Так писал Лермонтов в стихотворении, по-видимому обращенном к Пушкину («О, полно извинять разврат!..»).

Быстрому формированию и созреванию общественно-политических взглядов и поэтического дарования Лермонтова много способствовала вольнолюбивая семья Московского университетского пансиона. Не случайно Николай I и его жандармы с первых же дней нового царствования подозрительно отнеслись к пансиону. По мнению царя, с этим рассадником вольномыслия надо было решительно покончить.

В марте 1830 года Николай I неожиданно посетил пансион и остался крайне недоволен независимостью воспитанников, а также гуманностью педагогов. 29 марта «высочайшим указом» пансион был преобразован в гимназию. Как и некоторые другие воспитанники старшего класса, Лермонтов не захотел продолжать обучение в казенной гимназии и был уволен из пансиона со свидетельством о том, что «обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам с отличным прилежанием, похвальным поведением и с весьма хорошими успехами».

Шла речь о продолжении образования за границей, но Лермонтов решил готовиться к поступлению в Московский университет.

4

В 1829, 1830 и 1831 годах каждое лето Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой проводил в Середниково — подмосковном имении ее покойного брата Д. А. Столыпина. Здесь еще была жива память о просвещенном хозяине и его друзьях декабристах. В усадьбе сохранилась библиотека, в которой имелись не только произведения классиков мировой литературы, но и альманахи и журналы первой половины 20-х годов.

В Середниково Лермонтов продолжал переводить и переделывать баллады и лирические стихотворения Шиллера («Перчатка», «К Нине», «Встреча», «Дитя в люльке», «Над морем красавица дева сидит...» и др.).

Летом 1830 года Лермонтов прочел только что вышедшую книгу Томаса Мура о жизни Байрона. Для декабристов, для Пушкина, а вслед за ними и для юного Лермонтова Байрон был могучим и неукротимым борцом против реакции, «гражданином грядущих поколений». При всем интересе к личности и творчеству Байрона Лермонтов, тесно связанный с русской действительностью, настаивал на своей национальной самобытности:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

7

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что, ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

БЭЛА

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к частию для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей, чтобы успеть до ночи взо-

браться на Койшаурскую Гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полно-го мглоу ущелья, тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской Горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкой четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывала, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сертук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою пустую шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы, верно, недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки все ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников! увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут!

— А вы давно здесь служите?

— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче¹, — отвечал он, приосанившись. — Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, — прибавил он, — и при нем получил два чина за дела против горцев.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

Я сказал ему.

Разговор этим кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но, благодаря отливу снегов, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз оглянулся вниз на долину, — но густой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал ее совершенно, и ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрикнул, что они вмиг разбежались.

— Ведь этакой народ! — сказал он, — и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «офицер, дай на водку!» Уж татары, по мне, лучше: те хоть непьющие...

¹ Ермолове. (Примеч. М. Ю. Лермонтова.)

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика.

— Завтра будет славная погода! — сказал я.

Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас.

— Что ж это? — спросил я.

— Гуд-гора.

— Ну так что ж?

— Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку, как повалил снег. Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана...

— Нам придется здесь ночевать, — сказал он с досадою: — в такую метель через горы не переедешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросил он извозчика.

— Не было, господин, — отвечал осетин-извозчик: — а висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чу-

гунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери. Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстилался вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях. Нечего было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо.

— Жалкие люди! — сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, которые молча на нас смотрели в каком-то остолбенении.

— Преглупый народ! — отвечал он. — Поверите ли? ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! Уж, по крайней мере, наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки, а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно осетины!

— А вы долго были в Чечне?

— Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода, — знаете?

— Слыхал.

— Вот, батюшка, надоели нам эти головорезы; нынче, слава богу, смирнее, а бывало, на сто шагов отойдешь за вал, уж где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазевался, того и гляди — либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!..

— А, чай, много с вами было приключений? — сказал я, подстрекаемый любопытством.

— Как не бывать! бывало...

Содержание

<i>В. А. Мануйлов. «Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество»</i>	3
Герой нашего времени	27
<i>Комментарии</i>	179